

Гаврилук П.Л.

Неизвестная страница историко-философского наследия Г.В. Флоровского

В истории русской религиозной мысли Г.В. Флоровскому принадлежит особая, поворотная роль. Как известно, с его именем принято связывать парадигмальный переход от религиозной философии к неопатристическому богословию, продолжающему оставаться магистральным направлением современной православной мысли. «Неопатристический синтез» Флоровского обыкновенно противопоставляется «модернистской» религиозной философии начала XX в. Повод к подобному противопоставлению дает та острая критика, которой Флоровский подверг богословские взгляды представителей старшего поколения религиозно-философского ренессанса, в частности, таких мыслителей как Н.А. Бердяев и П.А. Флоренский. По мнению многих православных богословов, в «битве поколений» Флоровский оказывается на стороне «победившей» ортодоксии, тогда как старшее поколение – на стороне «побежденной» гетеродоксии или даже ереси. При этом нередко игнорируется то обстоятельство, что Флоровский был не только критиком, но и учеником религиозно-философского ренессанса. Как мыслитель, Флоровский был разбужен ренессансом, как ученый сформировался под личным влиянием деятелей ренессанса и вместе с ними перестрадал и передумал религиозно-философские вопросы ренессанса¹.

Публикуемая рукопись относится к тому периоду в творчестве Флоровского с середины 1920-х до начала 1930-х гг., когда он был

¹ См. об этом, в частности: *Климов А.Е.* Г.В. Флоровский и С.Н. Булгаков. История взаимоотношений в свете споров о софиологии / С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь. М.: Русский путь, 2003. С. 86–114; *Черняев А.В.* Г.В. Флоровский как философ и историк русской мысли. М.: ИФ РАН, 2010. С. 47–57 и др. См. также мою книгу *Georges Florovsky and the Russian Religious Renaissance*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013. Следует отметить, что к ставшему расхожим благодаря названию известной книги Н.М. Зернова выражению «русский религиозный ренессанс» Флоровский относился с иронией и писал его в кавычках: «Так называемый “Русский религиозный Ренессанс”» (или просто «Ренессанс»). См.: Из писем о. Георгия Флоровского Ю.П. Иваску // Вестник РХД. №130. IV – 1979. С. 49–50).

тесно связан с несколькими представителями старшего поколения ренессанса и продолжал ощущать себя членом «русской философской колонии» в Европе. Ниже дается описание найденного документа и определяется место рассматриваемой работы в интеллектуальной эволюции Флоровского как историка русской религиозно-философской мысли.

Описание рукописи

Рукопись носит название «Русская философия в эмиграции». Она находится в архиве Флоровского в Файерстоунской библиотеке Принстонского университета под каталожным номером C0586, Бокс 2, папка 4². На последней странице слева указана дата окончания работы, «1930. III. 15», а напротив даты прибавлена подпись «Георгий В. Флоровский»³. Авторство Флоровского подтверждается также почерком и стилистическими особенностями текста. На основании того, что рукопись содержит лишь два исправления (на с. 19 и 29), можно предположить, что перед нами результат одной или более редакций.

В нескольких библиографических справках рассматриваемого документа Флоровский оставил год издания незаполненным, вероятно, предполагая внести отсутствующие у него под руками сведения впоследствии. Некоторые даты, как, например, год выхода в свет первого номера журнала «Путь», были проставлены Флоровским по памяти⁴.

В публикуемом нами тексте рукописи авторская нумерация страниц указана в квадратных скобках, и все сноски в нашей статье даются по этой нумерации. На всех листах, за исключением двадцатого, нумерация проставлена дважды, причем на первых девятнадцати листах первоначально выставленный номер просто продублирован. Начиная с двадцать первого листа, номера, проставленные ближе к краю, оказываются на единицу меньше номеров, расположенных дальше от края. При этом страницы под номерами «15» и «16» перепутаны местами, то есть с. 14 продолжается на с. 16, которая, в свою

² Firestone Library, Princeton University, Georges Florovsky Papers, C0586, Бокс 2, папка 4.

³ См. факсимиле, помещенное перед текстом рукописи.

⁴ На с. 31 Флоровский допускает неточность в упоминании того, что журнал «Путь» «начал выходить с 1926 года», тогда как в действительности первый выпуск журнала вышел в 1925 году.

очередь, продолжается на с. 15, а она затем стыкуется со с. 17. Так как ошибочная нумерация не была исправлена автором или кем-либо другим, то можно предположить, что впоследствии Флоровский к данной работе не обращался.

Возможное предназначение работы

Рассматриваемый текст мог предназначаться как в качестве лекционного материала, так и для публикации. В письме Фрицу Либу от 8 (21) апреля 1930 г., написанному лишь через восемь дней после окончания «Русской философии в эмиграции», Флоровский писал: «В следующий четверг мы с женой уезжаем на несколько дней в Англию, где должны принять участие в англо-русской конференции студенческого христианского движения. Помимо этого, я, вероятно, прочту доклад о «путях русского богословия» в Русском академическом союзе в Лондоне»⁵. Каким образом рукопись «Русская философия в эмиграции» связана с упомянутым докладом?

Тема «путей» затрагивается в тексте неоднократно. Так, на с. 21 Флоровский характеризует духовные поиски философов-идеалистов следующим образом: «И нужно подчеркнуть, *путь* русских религиозных философов обычно проходил чрез немецкий идеализм и немецкую великую мистику. Иначе сказать, это был *путь* чрез историю философии. С этим связана особая историческая насыщенность русской религиозной философии. При этом ярко сказываются в ней платонические мотивы. Именно они вводили в мир патристики. Однако всегда это был *путь* к патристике, *путь* к Церкви, а не обратно. Иными словами, философия восходила к богословию, а не исходила из него» (курсив мой. – П. Г.).

Подводя итоги своих рассуждений в заключительной части рукописи, Флоровский возвращается к теме «путей», но только в другом регистре. Он пишет о поиске новых путей, а также о том, что его время (начало 1930-х гг.) может оказаться переломным как для русской философии, так и для философии мировой. Таким образом, тема «путей русского богословия» могла естественным образом представиться Флоровскому в качестве связующей идеи статьи «Русской фи-

⁵ Янцен В. Материалы Г. В. Флоровского в архиве Ф. Либа // Исследования по истории русской мысли. М., 2007. С. 543–544. Текст отдельного доклада с названием «Пути русского богословия» в архивах Флоровского в Принстоне и Свято-Владимирской Семинарии не выявлен.

лософии в эмиграции». Если предположить, что в письме к Либу Флоровский имел в виду не точное название своей лекции, а лишь ее общую тему, становится более вероятным предположение о том, что рассматриваемая рукопись лежит в основе лондонского доклада.

Впрочем, более вероятно, что рукопись предназначалась в первую очередь для публикации, хотя о месте публикации последней можно судить лишь предположительно. Отзываясь хвалебным образом о работах Александра Койре на двадцатой странице рукописи, Флоровский замечает: «Первые две книги премированы Институтом». По всей вероятности, речь идет о Свято-Сергиевском Православном Богословском Институте в Париже, в котором Флоровский проработал с 1926 г. до начала войны. Так как название Института в рукописи специально не оговаривается, то можно предположить, что Флоровский планировал опубликовать данный текст в сборнике парижского Института.

Отметим, однако, что несколько особенностей рукописи заставляют усомниться в такой гипотезе и дают основания к тому, чтобы предположить: рукопись предназначалась для публикации в не русскоязычном журнале (как, например, *Die russische Gedanke* Бориса Яковенко или *Orient und Occident* – журнал Фрица Либя и Пола Шуца, редактировавшийся при сотрудничестве Бердяева), а не для доклада в русскоязычной среде. Во-первых, Флоровский часто использует прилагательное «русская» вместо того, чтобы говорить о «нашей» или «отечественной» философии. Во-вторых, он трижды говорит о собственных работах в третьем лице, что было бы несколько неуместно в докладе. В-третьих, в библиографических справках он упоминает переводы работ русских философов на иностранные языки – практика, которой он в своих русскоязычных публикациях, как правило, не придерживался. Одной из особенностей рукописи является то обстоятельство, что названия книг, статей и журналов не закавычены, что также может свидетельствовать о том, что названия предполагалось выделить соответствующим образом на стадии перевода. В-четвертых, рассматриваемый текст превосходит по размеру рукопись лекций Флоровского о Владимире Соловьеве и стилистически отличается от нее, что также свидетельствует против использования «Русской философии в эмиграции» в первую очередь в качестве лекционного материала. В-пятых, на последней странице рукописи, после даты и подписи Флоровского, чужим почерком сделана отметка: «131, Arr. Jean Jaurès XIX». Неустановленный получатель данной рукописи находился по адресу 19 округ

Парижа, авеню Жан Жоре, д. 131, около Свято-Сергиевского Института. Можно предположить, что по каким-то причинам рукопись не была опубликована и возвращена автору.

То обстоятельство, что рукопись – по всей вероятности – предназначалась для публикации (не осуществившейся), вовсе не исключает нашей предыдущей гипотезы о том, что данный материал мог быть дополнительно использован как в качестве лекции в Богословском Институте в Париже, так и в качестве доклада в Русском Академическом Союзе в Лондоне.

Содержание рукописи

Рукопись представляет собой библиографически оснащенный аналитический обзор русской религиозно-философской мысли предыдущего столетия (1820 – 1930). Наибольшее внимание отведено последнему десятилетию, то есть философской литературе, изданной в 1920-е гг. в эмиграции. В жанре подобных обзоров Флоровский начал работать, еще будучи студентом, когда состоял членом Библиографического общества при Новороссийском университете. По общей тематике данная работа примыкает к таким ранним статьям Флоровского, как «Из прошлого русской мысли» (1912), «Новые книги о Владимире Соловьеве» (1912) и «Философская литература» (1924)⁶, а также таким неопубликованным работам, как «Введение: Русская философия как задача» (1923)⁷, «Введение в историю русской философии» (20 июля 1925)⁸ и стенограмме выступления на конференции в Aix-en-Provence 25 марта 1968 г., *Russian Philosophy at the Turn of the Century* («Русская философия на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий»)⁹.

Текст рукописи «Русская философия в эмиграции» насчитывает сорок четыре страницы и разбит на шесть неравных частей. Первая,

⁶ Флоровский Г. Философская литература // Русская зарубежная книга. Ч. 1. Библиографические обзоры. Прага: Издание Комитета русской книги и Издательство Пламя, 1924. С. 18–36.

⁷ Данная рукопись хранится в архиве St Vladimir's Seminary Library, Georges Florovsky Papers, бокс 2, папка «Unpublished Papers and Fragments (by Florovsky)». Я планирую опубликовать ее в недалеком будущем.

⁸ Упомянутая машинопись хранится в архиве Firestone Library, Princeton University, Georges Florovsky Papers, C0586, Бокс 62, папка 3.

⁹ Стенограмма упомянутой лекции хранится в архиве Firestone Library, Princeton University, Georges Florovsky papers, C0586, Бокс 54, папка 14.

вводная часть (с. 1–2) имеет целью задать общую перспективу, противопоставляя «отрицанию и небытию философии в Советской России» (с. 1) творческую деятельность «русской философской колонии в Европе» (с. 2). Следует отметить, что несмотря на его критическое отношение ко всему, происходящему за железным занавесом, Флоровский все же не мог полностью отрицать существование философской мысли в стране Советов и несколько туманно признавал, что откуда «кiszредка доносятся неожиданные, заглушенные, но живые голоса» (с. 1). Надо полагать, что под «живыми голосами» Флоровский в первую очередь имел в виду философов Г.Г. Шпета и А.Ф. Лосева, работы которых он хорошо знал и высоко ценил. Впрочем, основания для того чтобы говорить если не о «небытии», то во всяком случае о притеснении свободы философского исследования в государстве «диктатуры пролетариата», у него, разумеется, были.

Во второй части (с. 2–7), Флоровский различает три основных периода в развитии русской дореволюционной мысли: (1) 1820–1850 гг., (2) вторая половина XIX в. и (3) начало XX в. К данной периодизации Флоровский уже прибегал как в предисловии к своей магистерской диссертации «Историческая философия Герцена», так и в своих лекциях о Владимире Соловьеве, прочитанных в Русском Институте в Праге зимой 1922–1923 гг.¹⁰ С точки зрения Флоровского, в русской философии XIX в. Владимиру Соловьеву принадлежало «средоточное» место.

В третьей, наиболее развернутой части рассматриваемого документа (с. 7–20), Флоровский непосредственно касается заявленной темы, различая в русской философии два направления – «онтологизм», к которому он относит, в частности, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, И.А. Ильина, и «критицизм», или «трансцендетализм», к которому, по его мнению, принадлежали И.И. Лапшин, С.И. Гессен, Ф.А. Степун, Б.В. Яковенко и Г.Д. Гурвич. Об «онтологизме» как об обращении и возвращении философского внимания от сознания к бытию писали, в частности, В.Ф. Эрн и Н.А. Бердяев. В этой же части Флоровский касается философских взглядов Льва Шестова, которые с трудом поддаются классификации (с. 17–19).

Четвертая часть (с. 21–31) посвящена трем крупным религиозным философам-современникам Флоровского: С.Н. Булгакову (с. 22–24),

¹⁰ Тетрадь с лекциями о философии Соловьева была обнаружена мной в архиве Флоровского в St Vladimir's Seminary Library, Бокс 4, без папки.

Н.А. Бердяеву (с. 25–27) и Л.П. Карсавину (с. 28–30). Особая ценность данного текста связана с тем, что в нем Флоровский дает развернутое изложение софиологии Булгакова (с. 23–24). Воздерживаясь от прямой критики булгаковской концепции как здесь, так и в других своих текстах, Флоровский, тем не менее, подверг софиологическую систему косвенной критике в таких работах, как «Противоречия оригенизма» (1929), «Спор о немецком идеализме» (1930) и *Die Sackgassen der Romantik* («Тупики романтизма», 1930). Как известно, Флоровский генетически связывал систему Булгакова с неоплатоническим эманатизмом, спекуляциями Оригена относительно совечности мира Богу, а также гегельянским монизмом и пантеизмом.

При этом о взглядах Бердяева, как в рассматриваемой рукописи, так и в последующих своих работах, Флоровский без колебаний отзывался более критически. В частности, он обвинял Бердяева в «гностицизме», а также в том, что, несмотря на интерес к истории философской мысли и при всей его «исторической наблюдательности, Бердяев остается как-то вне истории» (с. 27). Отметим, что подобного рода критика нередко была озвучена другими авторами и в отношении космологических построений Булгакова.

Пятая часть «Русской философии в эмиграции» посвящена философии истории и философии культуры. Здесь Флоровский, в частности, обсуждает книгу «Об общественном идеале» (1917) своего покойного старшего товарища, декана юридического факультета Карловского Университета в Праге, П.И. Новгородцева (с. 32–36). С особым одобрением Флоровский отзывается о критике Новгородцевым утопических идей XIX в. с позиций христианского персонализма и исторического сингуляризма. Под влиянием Новгородцева Флоровский в начале 1920-х гг. планировал написать работу о теократических идеях в русской социальной философии¹¹. Несмотря на то что этот план остался нереализованным, несомненное влияние Новгородцева заметно в статье Флоровского «Метафизические послышки “утопизма”» (1926), которая упоминается в рукописи «Русская философия в эмиграции» в другом контексте (на с. 31).

Не меньший интерес представляет обсуждение Флоровским основных идей книги «Очерки теории исторической науки» (1925) своего бывшего учителя в Новороссийском университете, а затем стар-

¹¹ См. его письмо Н.С. Трубецкому от 14 (27) декабря 1922 г. // История философии. 2002. № 9. С. 171.

шего коллеги, П.М. Бицилли (с. 41–42). Изложив взгляды Бицилли, Флоровский делает следующее характерное замечание: «Сюда же примыкает статья Г.В. Флоровского, О типах исторического истолкования (в Сборнике статей в честь проф. В.Н. Златарского, София, 1925)». Действительно, несколько важнейших элементов исторической герменевтики Флоровского восходят к Бицилли и к А.И. Герцену, тоже прочитанному сквозь призму философских взглядов Бицилли. Так, например, следуя Бицилли, Флоровский подчеркивает иррациональный, индивидуальный, неповторимый и прерывный характер исторического процесса, полемизируя в данном случае с гегельянским панлогизмом, имманентизмом и органицизмом. Что касается «метода дивинирующего проникновения», то к нему был близок также «эмпатический психологизм» М.О. Гершензона, которого Флоровский высоко ценил. Вопрос о влиянии Бицилли на историософию Флоровского заслуживает особой статьи.

В общей сложности Флоровский упоминает свои печатные работы трижды, всякий раз говоря о себе в третьем лице: первый раз при обсуждении религиозно-философского направления, второй раз при разборе трудов по философии культуры и в третий раз в контексте работ по философии истории. Таким образом, в 1930 г. Флоровский как бы мыслил себя одновременно на трех «палубах» эмигрантского «философского парохода»: религиозной философии, философии культуры и философии истории.

В шестой, заключительной, части рукописи Флоровский несколько сбивчиво подводит итоги своего обзора, а также указывает на дальнейшие «пути» развития философской мысли: «Как говорил Шеллинг, “реальные успехи достигаются в философии не иначе, как чрез расширение опыта; и не всегда в том дело, что открываются новые факты, а в том, что в известном становится видным больше, нежели привыкли видеть”. Эта новая очевидность определяет перелом, поворот пути. Философская жизнь всегда протекает в чередовании относительно замкнутых циклов, которые внутренне сосредоточены каждый в себе, – и в каждом есть своя преобразующая тема и интуиция. В каждом раскрывается и выражается свой опыт. И вот сознается замкнутость привычного горизонта, – начинаются поиски выхода – в новый опыт, в новую эпоху. Так было в конце средневековья, так было снова под конец XVIII-го века. Есть основания сказать, в наше время снова назревает философский перелом, новая вспышка умозрительного творчества. Это чувствуется и в западной мысли:

ищут путей... темп философской жизни ускоряется... В этом объяснение и критической напряженности, и собирания преданий, – возврата к классикам...» (с. 42–43).

Мысли о «философском переломе» и «возврате к классикам» отражают скорее философские искания самого Флоровского, нежели общую тенденцию русской философской мысли конца 1920-х гг. Для Флоровского двадцатые годы, проведенные в эмиграции, были переломным периодом, пробой философского пера и поисками своего собственного научного пути. В связи с этим статью «Русская философия в эмиграции» можно рассматривать именно как работу «переходного периода», когда сам Флоровский стремился раздвинуть пределы своего «философского опыта» за пределы философии Нового времени, и возвратиться к «вечной философии» Отцов Церкви. Глухо звучащая в данной статье тема «возвращения к Отцам» станет центральной в последующем творчестве Флоровского – как в лекциях по патристике, так и в основном труде «Пути русского богословия», к написанию которого Флоровский приступил в начале 1930-х гг.

Следует подчеркнуть, что статья «Русская философия в эмиграции» и книга «Пути русского богословия» написаны в совершенно различных перспективах, а потому и тема «возвращения к Отцам» звучит по-разному в этих двух произведениях. Как уже упоминалось, общим контекстом статьи о философии в эмиграции является «отрицание и небытие философии в Советской России», на фоне которого достижения философов-эмигрантов представляются Флоровскому лучом, вырвавшимся из темного царства коммунизма. В «Пути русского богословия» Флоровский изберет иную историческую перспективу: тысячелетняя история русской мысли оценивается им с точки зрения ее соответствия нормативному «христианскому эллинизму» византийского богословия. Согласно Флоровскому, начиная с XVII в. русское богословие подверглось пагубным влияниям западного богословия, приведшим к «псевдоморфозе», то есть искажению византийских богословских норм. В отличие от статьи «Русская философия в эмиграции», где Флоровский подчеркивает творческий и самобытный характер русской мысли, в «Пути русского богословия» ударение поставлено на «псевдоморфозе» и зависимости русской богословской мысли от Запада. «Русская философия в эмиграции» написана в рамках «нарратива самобытности», тогда как «Пути русского богословия» были задуманы и по большей части осуществлены в рамках

«нарратива псевдоморфозы». Кроме того, в отличие от статьи, основной фокус книги смещен из области по-преимуществу философской в область по-преимуществу богословскую.

Можно предположить: Флоровский не стал публиковать «Русскую философию в эмиграции» потому, что эта работа впоследствии перестала его удовлетворять, так как она недостаточно отражала его критический взгляд на «псевдоморфозу» русской религиозной мысли. Таким образом, благодаря публикуемой рукописи, мы имеем возможность познакомиться с Флоровским, который продолжал оценивать развитие русской философии более положительно, нежели это сделано в «Путиях русского богословия». В этом смысле, в рукописи «Русская философия в эмиграции» как бы раскрывается научно-историческое alter ego Флоровского скорее как «пассажира», а не «рулевого» эмигрантского «философского парохода», который пытается изменить курс «корабля» в направлении неопатристики. Главная ценность публикуемого документа состоит в том, что он позволяет увидеть Флоровского в первую очередь как ученика и участника религиозно-философского ренессанса, и лишь во вторую очередь как критика этого уникального явления в истории русской культуры.

В ходе подготовки к публикации текст Флоровского приведен в соответствие современным нормам орфографии и пунктуации; оформление упоминаемых в тексте публикаций приведено к единообразию. При этом были сохранены характерные особенности авторского стиля Флоровского.